

Пекарня в Чухломе

Весенние восходы

Хлеб
Люди
Вера
Чудеса
Всё
здесь

Добрый
хлеб
делает
людей
ближе

Милана Панова

**Пекарня в Чухломе.
Весенние всходы**

«Автор»

2026

Панова М.

Пекарня в Чухломе. Весенние всходы / М. Панова — «Автор», 2026

Жизнь Вари в Чухломе налаживается, но спокойствие старой пекарни оказывается под угрозой. На пороге появляется столичный родственник Антон, заявляющий права на семейный бизнес. Вскоре объявляется и давний враг — Ростислав Гордеев, который с помощью судебных исков и предательства пытается отобрать знаменитую закваску. Сталкиваясь с рейдерским захватом и человеческой алчностью, Варя едва не теряет самое дорогое: живая Опара Саввишна не выдерживает злобы и погибает. Чтобы спасти дело прадеда и воскресить тесто из последней сохраненной сто лет назад щепотки, Варе понадобится тепло и помощь всего маленького городка.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Метаданные для публикации (ЛитРес)	6
Глава 15. Весенняя распутица	7
Глава 16. Право крови	8
Глава 17. Горечь	9
Глава 18. Вкус памяти	10
Глава 19. Кулич для правнука	11
Глава 4. Половодье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Милана Панова

Пекарня в Чухломе. Весенние всходы

Пекарня в Чухломе

Часть вторая. Весенние всходы

Метаданные для публикации (ЛитРес)

Рабочее название: Пекарня в Чухломе. Часть вторая

Жанр: Современная проза, Магический реализм

Возрастное ограничение: 16+

Теги: магия повседневности, семейные тайны, российская глубинка, кулинария, уютная проза

Глава 15. Весенняя распутица

Апрель в Чухломе — время не для слабых духом. Снег, укрывавший город до самых окон, начал чернеть, оседать и превращаться в тяжелую, ледяную кашу. Озеро еще стояло, скованное пористым льдом, но у берегов уже проступила темная вода.

В пекарне было тепло. Варя Лаптева — теперь уже Ремизова, хотя для всего города она оставалась Лаптевой, — стояла у прилавка, стряхивая муку с серебряного обручального кольца.

Матвей возился у печи. Зимой Игнат Спиридонов переложил под, и теперь печь дышала жаром ровно и мощно, без старческого надрыва.

Батон сидел на подоконнике и брезгливо смотрел на грязь за окном.

— Сносно топят, — сказал он, не отрывая взгляда от улицы. — Но лапы я туда не суну. Даже ради парной мыши.

Опара Саввишна пыхтела в деже. После зимы она стала еще круглее, в ней появились новые нотки — свежести березового сока и талого снега.

Колокольчик на двери звякнул ровно в полдень.

На пороге стоял человек. В дорогом кашемировом пальто, испачканном чухломской грязью по самые колени. В руках он держал кожаный портфель.

Он оглядел зал. Лепнину, отмытый старинный кафель, дубовый прилавок с птичками.

— Варвара? — спросил он. Голос был резкий, уверенный, столичный.

— Да.

Он подошел ближе, брезгливо обходя лужу, натекающую с его собственных ботинок. Положил портфель на прилавок.

— Антон Сергеевич Лаптев, — представился он. — Правнук Федора Лаптева. Родного брата Саввы. Кажется, нам нужно поговорить о нашем семейном бизнесе.

Глава 16. Право крови

Вечером в бывшей конторе, где Варя и Матвей обустроили спальню, было тесно. Антон сидел на венском стуле, предварительно протерев его бумажным платком.

— Мой прадед Федор остался в деревне Шартаново, — говорил Антон, раскладывая на столе копии архивных документов. Пальцы у него были длинные, с идеальным маникюром. — Савва уехал в Питер, а потом открыл пекарню здесь. Но начальный капитал, деньги на первых порах, они собирали вместе. У меня есть письма.

Матвей поправил очки на переносице.

— Я знаю эти письма. Савва писал брату. Но пекарню он строил на свои деньги, заработанные у Филиппова. Заем брата он вернул еще в девятьсот десятом.

— Юридически, — Антон постучал пальцем по бумаге, — бренд «Хлебопекарня Лаптевых» принадлежит семье. Вы, Варвара, прямой потомок Саввы. Я — потомок Федора. Вы используете нашу общую фамилию и семейную легенду. Вкусов пытался купить вас и проиграл, потому что он чужой. А я — свой. И я хочу франшизу.

— Франшизы не будет, — твердо сказала Варя.

— Варвара, будьте благоразумны. У меня инвестиции. Москва, Казань, Нижний Новгород. Мы сделаем сеть. «Лаптевские пекарни». Наша закваска, ваши рецепты, мои связи.

Батон, лежавший на печке-голландке, открыл один глаз.

— Выгони его, — сказал кот бархатным, ленивым голосом. — Он пахнет принтером и жадностью.

Антон вздрогнул так, что чуть не смахнул бумаги на пол.

— У вас... кот разговаривает?

— Тебе показалось, — Варя скрестила руки на груди. — Антон Сергеевич. Хлеб отсюда не уедет. Савва пробовал. Не вышло.

— Это мы еще проверим в суде, — сухо сказал Антон, лихорадочно пряча бумаги обратно в портфель.

Глава 17. Горечь

На следующее утро хлеб поднялся тяжело.

В деже стоял странный, давящий запах. Не кислый, не теплый. Горький.

Варя спустилась в подвал в четыре утра.

Опара Саввишна сидела в деже, опустив глаза-изюминки. Она не дышала привычным «пых-пых». Она прерывисто, со свистом вздыхала.

— Опара Саввишна? — Варя коснулась теплого края дежи. — Что случилось? Тестяная старушка медленно подняла голову. Корочка на ее щеках побледнела.

— Кровь пришла, дочка, — сказала она глухо. — Федорова кровь. Савва брата любил. Сильно любил. А брат завидовал. Всю жизнь завидовал, что Савва в Питер выбился, а он в деревне остался. И не простил, когда Савва долг вернул. Эта зависть в крови осталась. Запеклась.

— И что теперь?

— Горчит мне, — Опара закрыла глаза. — Он в городе. Он ходит по нашей земле. Он Лаптев, я его не пустить не могу, он свой по крови. Но он пустой. В нем только бумаги шелестят. Хлеб в то утро получился с тяжелым, полынным послевкусием.

Варя не хотела его продавать, но тётя Галя, пришедшая первой, настояла. Отломила кусок, пожевала и сплюнула в ладонь.

— Ох. Горько-то как. Как желчь. Очередь у дверей затихла.

— Что с хлебом, Варя? — тревожно спросил Пахомыч из-за спины тётя Гали.

— Родня приехала, — глухо ответил Матвей, выходя из подсобки с охапкой дров. — Делить пекарню хотят. Судом грозят.

Тётя Галя нахмурилась так, что брови сошлись на переносице. Пахомыч молча надвинул шапку на лоб. Вся Чухлома, стоявшая в очереди, переглянулась. Люди не ругались. Они просто всё поняли.

Глава 18. Вкус памяти

Антон Сергеевич снял лучший номер в единственной гостинице города. Утром он обнаружил, что у его внедорожника спущены все четыре колеса. Камеры наружного наблюдения внезапно «перезагружались» именно в этот момент. Никто ничего не видел.

Когда он пришел в кафе «Чай у озера», которое недавно открыли Ирина Валентиновна и архитектор, ему принесли ледяной чай и вчерашний пирожок.

В магазине продавщица пятнадцать минут пересчитывала мелочь и "случайно" пробила ему вместо дорогого пармезана плавленый сырок «Дружба».

Чухлома умела защищать своих. Тихо, без криков, но так, что становилось тошно.

Но Антон был упрям. Он пришел в пекарню в Страстную пятницу.

Очередь расступилась перед ним. Молча. Враждебно.

Он подошел к прилавку, опираясь на него обеими руками.

— Детский сад, Варвара, — процедил он. — Колеса, холодный чай. Вы думаете, это меня остановит? Я подал иск. У меня лучшие адвокаты по интеллектуальной собственности.

Варя посмотрела на него. На его идеально выбритое лицо, на тонкие, поджатые губы, на дорогие часы.

— Зачем вам это, Антон? — спросила она. — У вас есть деньги. У вас есть успешный бизнес в Москве. Зачем вам старая пекарня в костромской глуши?

Он дернул плечом.

— Это актив. Прибыльный актив с историей. В мире победившего пластика люди готовы платить любые деньги за «настоящее».

— Врешь, — раздался скрипучий голос с прилавка.

Антон отшатнулся. Батон сидел рядом с кассой, глядя на столичного гостя немигающими янтарными глазами.

— Ты... опять, — прошептал юрист, пятась.

— Врешь, — повторил Батон, мягко перебирая лапами. — Ты пахнешь одиночеством. У тебя там, в Москве, никого нет. Ни жены, ни детей, ни собаки. Только бумаги и пустые квартиры. Ты сюда приехал не за активом, Лаптев. Ты приехал за тем, что у нее есть, а у тебя нет. За домом.

Антон побледнел до синевы.

— Я не собираюсь разговаривать с галлюцинацией! — крикнул он. И выскочил из пекарни, хлопнув дверью так, что жалобно звякнул колокольчик.

Глава 19. Кулич для правнука

Приближалась Пасха. Опара Саввишна с трудом справлялась с горечью. Варя не отходила от нее сутками. Она гладила тесто, пела ему бабушкины колыбельные, рассказывала о том, как на озере ломается лед.

— Он Лаптев, — шептала Опара, тяжело дыша. — Я должна его накормить. Савва бы накормил.

В Великую субботу Варя пекла куличи.

Она добавила в сдобное пшеничное тесто цукаты, изюм, шафран. И кое-что еще. Щепотку той самой первой, материнской закваски.

Антон пришел под вечер. Он выглядел измотанным, под глазами залегли тени. Чухлома его выжала. Зал был пуст, пахло ванилью, кардамоном и святой водой, которую принес отец Никодим.

Варя молча достала из-под прилавка небольшой кулич. С белой, глянцевою глазурью, посыпанный цветным сахаром. Завернутый в крафтовую бумагу.

Она протянула его Антону.

— Берите.

Он не взял.

— Это взятка, чтобы я отозвал иск?

— Это кулич, Антон, — Варя грустно улыбнулась. — Завтра Пасха. Вы мой брат. Четвероюродный, седьмая вода на киселе, но брат. Савва и Федор собирали копейки в шартановской грязи, чтобы Савва смог уехать в Питер. Они были семьей. Мы тоже семья.

Антон посмотрел на кулич. Потом на Варю. На ее руки со шрамами от старых ресторанных ожогов и новыми мозолями от деревянной лопаты.

Он медленно протянул руки и взял выпечку. Она была горячей.

Он отломил кусочек. Белая глазурь хрустнула. Откусил.

И замер.

Он не вспомнил детство с леденцами-петушками, как тётя Галя. У него в детстве не было леденцов, были строгие гувернантки, элитные школы и отец, который требовал только первых мест.

Но он вдруг почувствовал запах. Запах печного дыма. Скрип деревянных половиц. И чью-то тяжелую, большую руку на своем плече.

«Твой прадед в Питере, — сказал глухой мужской голос в его голове. Голос, который он слышал только в обрывках ранних детских снов. — Большим человеком стал, хлебный мастер. И ты станешь мастером. Мы, Лаптевы, крепкие. Нас не сломаешь».

Антон тяжело опустился на венский стул. Стул скрипнул под ним, принимая.

Из глаз модного московского адвоката, грозы корпоративных судов, потекли слезы. Он не вытирал их.

— Я... я просто хотел, чтобы у меня тоже что-то было, — прошептал он, глядя на надкусанный кулич. — У меня фамилия есть, а истории нет. Дед сгинул. Отец ушел. Я один, Варя. Я всю жизнь доказываю в судах, что я чего-то стою.

Варя вышла из-за прилавка. Подошла к нему. Положила теплую руку в муке ему на плечо.

— У тебя есть история, Антон. Она здесь. И тебе не нужны адвокаты и иски, чтобы приехать сюда. Дверь для тебя открыта. Как и для всех.

Снизу, из подвала, донесся сытый, глубокий вздох Опары Саввишны. Горечь ушла, растворилась в сладком пасхальном духе.

Антон уехал на следующий день. Без исков. Без требований.

Перед отъездом он зашел в пекарню. Купил огромный каравай ржаного. Оставил на прилавке визитку.

— Если понадобятся юристы, — сказал он, улыбнувшись, и в этой улыбке впервые не было фальши. — Вы знаете, кому звонить. По-родственному. Денег с сестры не возьму.

Матвей крепко пожал ему руку.

Батон проводил машину взглядом в окно.

— Сносно, — мурлыкнул кот, жмурясь на весеннее солнце. — Для столичного сутяжника — очень сносно.

А на следующий день в Чухлому пришла настоящая весна. Лед на озере с оглушительным треском лопнул, и темная, живая вода хлынула на свободу, отражая слепящее солнце и белые стены Авраамиево-Городецкого монастыря.

Пекарня Лаптевых открыла двери. Хлеба должно было хватить всем.

Глава 4. Половодье

Лед на озере сошел бурно и стремительно. Всего за два дня белое безмолвие сменилось ревом воды, бьющей в берега, грохотом сталкивающихся льдин и криками чаек, вернувшихся на свои старые места.

Чухлома, освободившись от снежного плена, задышала полной грудью. На Затонной зацвела верба. По улицам побежали ручьи, смывая остатки серой зимней распутицы.

В пекарне Лаптевых пахло свежестью. Опара Саввишна в деже тоже почувствовала весну — она поднималась теперь так быстро и мощно, что Варя приходилось осаживать ее дважды за ночь, чтобы тесто не убежало на каменный пол подвала.

— Бунтует, — уважительно говорил Игнат Спиридонов, который теперь заходил почти каждый день — просто посидеть у печи. — Сила в ней проснулась весенняя.

Сам Игнат не пил уже два месяца. Он выглядел моложе лет на десять: обрился, купил новую куртку и даже, по слухам, начал делать ремонт в своем разваливающемся доме на Заречной. Печь, которую он переложил, работала безупречно. Хлеб получался с идеальной золотистой корочкой.

Но вместе с теплом в Чухлому пришла вода.

Половодье в этом году выдалось небывалое. Снега зимой было много, таял он быстро, и озеро вышло из берегов, затапливая низины. Вода подобралась к самым огородам на окраинах.

Пекарня стояла на возвышенности, в центре, но подвал — святая святых, дом Опары Саввишны и старой печи — находился глубоко.

В среду утром, спустившись в подвал, Варя услышала хлюпанье.

Вода просочилась сквозь старую кирпичную кладку стен. Она не лилась потоком, но медленно, упрямо сочилась из десятка мелких трещин, скапливаясь на каменном полу. У основания печи уже натекла порядочная лужа.

Батон сидел на верхней ступеньке лестницы, брезгливо поджимая лапы.

— Если это поднимется еще на дюйм, я переезжаю в музей к очастому, — заявил он.

Матвей, прибежавший из дома через пятнадцать минут, оценил масштаб бедствия.

— Грунтовые воды поднялись, — сказал он, хмурясь. — Здание старое, гидроизоляции, конечно, никакой. Если вода дойдет до пода печи, кирпичи отсыреют. Печь погаснет. А если дойдет до дежи...

Варя посмотрела на дежу. Она стояла на невысоком деревянном помосте, но если вода продолжит прибывать, Опара окажется в ледяной купели.

— Что делать? — спросила она. Голос ее дрогнул.

— Откачивать, — коротко сказал Матвей.

Он побежал в администрацию к Нине Петровне. Через полчаса у пекарни тарахтела мотопомпа, которую притащили коммунальщики. Шланг бросили прямо через окошко подвала.

Но вода прибывала быстрее, чем старая помпа успевала ее откачивать.

К обеду лужа превратилась в озерцо. Игнат Спиридонов стоял по щиколотку в ледяной воде, мрачно разглядывая швы в кирпичной кладке.

— Давит со всех сторон, — сказал он. — Тут глиной не замажешь. Нужно русло отводить. Там, снаружи, за пекарней, раньше дренажная канава была, еще с саввинских времен. Ее в советское время засыпали, когда теплотрассу тянули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.